ПРОЗА.

ИМАТРА.

Съ первымъ лучемъ солнца мы были уже на границѣ Финляндіи.

Неширокая рѣка Сестра отдѣляла насъ отъ великаго княжества. Нѣкогда она служила рубежемъ между Русскимъ царствомъ и Шведскими владѣніями. Мы взъѣхали на противоположный берегъ, и первое впечатлѣніе, впечатлѣніе самое пріятное для смертнаго, который ѣдетъ на перекладной телѣгѣ, было то, что бойкая мостовая и сыпучій песокъ, по которымъ мы до тѣхъ поръ, то прыгали, то тащились, смѣняются тутъ дорогою ровною, какъ натянутое полотно. Мы покатились по ней стрѣлою, и чрезъ минуту остановились у первой Финляндской станціи. Не требуя подорожной, содержатель почтоваго двора подалъ намъ Dag-bok, то есть, книгу, въ которой всякій проѣзжій долженъ записать свое имя, откуда, куда и на сколькихъ лошадяхъ онъ ѣдетъ. Съ боку,

оставлена графа для замѣчанія. Она почти всегда остается бѣлою, но это острастка для содержателей и для ямщиковъ. Мѣстный законъ угрожаетъ имъ строгимъ наказаніемъ за малѣйшее оскорбленіе путешественника. Ямщикъ не смѣетъ даже попросить на водку, подъ опасеніемъ быть подвергнутымъ двѣнадцати ударамъ прутьями. За то и удалые наѣздники должны здѣсь быть вѣжливы, ежели не хотятъ перевѣдаться съ Финляндской Ѳемидою. Штрафы въ пять, девять и двѣнадцать рублей серебромъ неумолимо взыскиваются съ нарушителя порядка, кто бы онъ ни былъ. Все это вы можете подробно узнать изъ «правилъ», которыя покажутъ вамъ на каждой станціи вмѣстѣ съ висящимъ на стѣнѣ росписаніемъ прогонныхъ денегъ, числа верстъ и лошадей и таксою съѣстныхъ припасовъ: такса — только на тотъ случай, если есть припасы. Обыкновенно, служитъ она только украшеніемъ стѣнѣ и памятникомъ проницательности Финляндскаго законодательства. Нѣкоторыя изъ этихъ правилъ особенно примѣчательны, и дѣлаютъ честь намѣренію, съ какимъ они сочинены. Никто напримѣръ, за исключеніемъ крайней надобности, не въ правѣ требовать почтовыхъ лошадей и отправляться въ путь во время церковнаго служенія, въ воскресные дни. Это установленіе даетъ вамъ на первой станціи выгодное понятіе о нравахъ народа, который въ самомъ

дѣлѣ набоженъ и благочестивъ. Несмотря на значительное отдаленіе, въ которомъ, по большей части, Финскія хижины разбросаны отъ церкви, здѣшній селянинъ всегда оставляетъ свое жилище, чтобъ услышать простую и понятную для него проповѣдь пастора. Кому болѣзнь или старость того не позволяютъ, тотъ остается дома и по книжкѣ поетъ псалмы. Какъ часто, даже около Петербурга, я видалъ въ Чухонскихъ деревняхъ мальчиковъ и дѣвочекъ, читающихъ по цѣлымъ часамъ Священное писаніе дряхлымъ и слѣпымъ своимъ дѣдамъ. Лютеранскіе пасторы требуютъ непремѣнно отъ своихъ прихожанъ, чтобы каждый изъ нихъ умѣлъ по крайней мѣрѣ читать и поставляютъ это народу обязанностью вѣры. Хваля вообще Финновъ за набожность, я нахожу въ нихъ еще другія хорошія качества, — добродушіе, услужливость, примѣрную честность и даже безкорыстіе, едва понятное при крайней и почти общей бѣдности ихъ въ Финляндіи. Правда, вы замѣтите иногда лѣность, неопрятность, упрямство, склонность къ пьянству, — хотя, впрочемъ, гораздо въ меньшей степени чѣмъ въ Чухнахъ Петербургскихъ, — и равнодушіе къ собственной пользѣ, доходящее до безчувственности, но многое должно приписать тутъ бѣдности самой страны, суровости климата и другимъ мѣстнымъ обстоятельствамъ. Извѣстно, что Финны управлялись

въ древности природными владѣтелями, но эти владѣтели были не иное что, какъ предводители или старѣйшины дикихъ ордъ, чуждыхъ всякой гражданственности, жившихъ въ лѣсахъ и пустыняхъ звѣриною и рыбною ловлею. Раздѣляясь на множество отдѣльныхъ поколѣній, часто между собою враждебныхъ, они не могли составить одного политическаго тѣла, и рано сдѣлались добычею своихъ сосѣдей. Въ седьмомъ столѣтіи Шведскій король Иваръ Видфамній присоединилъ къ прочимъ своимъ владѣніямъ значительную часть области «Суоми», или «Суоменмаа», то есть, страны болотъ, какъ называли Финляндію собственные ея жители, именуя самихъ себя «Суомелайсетами». Наслѣдники его, то выпускали изъ рукъ это завоеваніе, то, вновь утверждая въ немъ свою власть, проникали и въ дальнѣйшія части Финляндіи, еще совершенно дикія и неизвѣстныя. Въ половинѣ двѣнадцатаго вѣка, при Эрикѣ IX, Святомъ, ревностію Упсальскаго епископа Генриха, родомъ Англичанина, насаждены первыя сѣмена Христіанства въ южной и югозападной ея части, то есть, въ собственной Финляндіи, Сатакундѣ и Нюландѣ.

Въ 1249 году Шведскій военачальникъ Биргеръ Ярлъ покорилъ Остерботтенъ, гдѣ также утвердилась истинная вѣра; а въ 1295 году правитель Швеціи Торкель Кнутсонъ присоединилъ къ Шведскимъ владѣніямъ и всю осталь-

ную часть Финляндіи, — Саволаксъ и Карелію до озеръ Ладожскаго и Онежскаго. Онъ обезопасилъ свои завоеванія построеніемъ нѣсколькихъ замковъ и крѣпостей, и Шведы оставались довольно долго спокойными ихъ обладателями. Но въ 1348 году восточный край Финляндіи достался на часть новыхъ завоевателей. Король Магнусъ II, или Смекъ, задумавшій обратить Новгородцевъ въ католическую вѣру, не успѣлъ въ своемъ предпріятіи, и самъ, разбитый ими на берегахъ Ижоры, принужденъ былъ уступить Новугороду землю до рѣки Сестры. Эта граница между двумя вѣчно враждовавшими державами не могла однакожъ оставаться постоянною. Мечь побѣдителя проводилъ рубежъ по произволу, и бѣдная Финляндія въ теченіе столѣтій была театромъ безпрерывныхъ кровопролитій, грабежей и пожаровъ. Наконецъ славные для Россіи договоры, Нейштатскій и Абовскій, утвердили за нею Финляндію до Кюмени, а послѣ войны 1809 года и до самого Торнео.

Изъ этого бѣглаго обозрѣнія двѣнадцати историческихъ вѣковъ Финляндіи, быть-можетъ, недостаточно видно, что мы сидимъ ужъ не на кулѣ, набитомъ сѣномъ, но въ креслахъ, довольно покойныхъ, утвержденныхъ надъ самою осью. Поэтому тутъ же должно сказать, что Русская телѣга, въ которой мы начали свое путешест-

вie, смѣнилась здѣсь двухъ-колесною таратайкою, гигомъ, или какъ здѣсь зовутъ, карiолькою. Насъ везетъ бѣлокурый, сѣроглазый Финнъ; въ зубахъ его, бѣлыхъ какъ слоновая кость, торчитъ короткая трубочка съ курительнымъ табакомъ; за поясомъ, которымъ стянута его полосатая холщовая куртка, заткнутъ рожокъ, также съ табакомъ, но только съ нюхательнымъ. Онъ держится съ удивительнымъ искусствомъ на облучкѣ таратайки и покрикивая на своихъ лошадокъ, маленькихъ и красивыхъ какъ лисички, вихремъ мчится по гранитному шоссе́, ловко избѣгая огромныхъ камней, которые все чаще и чаще съѣзжаются по обѣимъ сторонамъ дороги. Станцiи за двѣ до Выборга вся окрестность ими усѣяна, и чѣмъ далѣе подвигаешься, тѣмъ болѣе они умножаются въ числѣ и растутъ въ объемѣ. Природа, въ минуту своей игривости, дала имъ самыя разнообразныя и самыя диковинныя формы. Здѣсь, на берегу озера, между кустарникомъ, лежатъ угловатые обломки гранита и съ перваго взгляда немудрено принять ихъ за небольшое селенiе. Тутъ, сквозь чащу лѣса, уродливые валуны выглядываютъ какъ чудовища, выжидающiя путника, чтобъ растерзать его. Далѣе огромный монолитъ, похожiй на исполинскiя вольтеровы кресла, протягиваетъ къ вамъ холодныя и косматыя свои руки, поросшiя мхомъ; а тамъ, на лужайкѣ передъ сосновою

рощею, стоитъ рядъ квадратныхъ камней, какъ жертвенники Скандинавскихъ боговъ, и примѣтныя на нихъ красныя пятна желѣзной руды представляютъ воображенію слѣды человѣческой крови, которою обливались алтари Одиновы. Куда ни взглянешь, вездѣ торчатъ безчисленные граниты, то набросанные въ груды, то лежащіе разсѣянно. Видъ ихъ придаетъ общей картинѣ страны характеръ безплодія и разрушенія. Кажется, будто разгнѣванное небо одождило здѣсь землю каменными потоками, и пытливый умъ вдается въ разныя догадки, чтобъ объяснить, какими силами произведено это явленіе? Г. Лейелль остроумно растолковалъ его переходомъ океана. Пусть будетъ по Г. Лейеллю! Мы взберемся на этотъ холмъ. Съ него открывается красивый ландшафтъ. Минуя окрестные лѣса и холмы, взоръ стремится къ синѣющей равнинѣ Балтики, на краю которой лежитъ городъ. Древняя башня и нѣсколько колокольныхъ шпилей возвышаются посреди его; влѣво и вправо растилаются два предмѣстья: это Выборгъ, столица старой Финляндіи.

Солнце бросало послѣдніе лучи, и морской заливъ облегался тучами, когда мы, оставивъ за собою юговосточное предмѣстье, въѣхали въ городъ черезъ ворота, ведущія сквозь крѣпостной валъ. Стража потребовала наши паспорты; черезъ минуту они были намъ возвращены и ка-

ріолька запрыгала по мостовой, жалобно дребезжа по крупному булыжнику. Мы приказали везти себя въ трактиръ «Мотти», указанный мнѣ какъ довольно удобное пристанище. Но безтолковый *эй-мойста* не понималъ насъ, и непремѣнно хотѣлъ причалить къ грязной станціи. Наконецъ, послѣ долгаго странствія по узкимъ и изломаннымъ улицамъ, живо напоминающимъ добрый и неуклюжій Ревель, мы подъѣхали къ двухэтажному каменному дому, довольно поношеной наружности. Широкая деревянная лѣстница, зыблясь подъ ногами, ввела насъ въ верхній этажъ. Пройдя корридоръ, мы очутились въ просторной и свѣтлой залѣ. Хозяйка, услужливая старушка, со связкою ключей, какъ слѣдуетъ хозяйкѣ, поспѣшила встрѣтить насъ, и указала незнятую комнату. Чашка чаю съ знаменитыми Выборгскими крепделями подоспѣла очень кстати, подкрѣпить усталыхъ путниковъ, и черезъ полчаса мы ужъ утопали въ мягкихъ перинахъ, отъ души хваля Шведскій обычай, свято здѣсь сохранившійся. Я начиналъ дремать, какъ вдругъ заунывный голосъ ночнаго сторожа раздался подъ самымъ изголовьемъ. Не понимая словъ протяжнаго напѣва, я безъ переводчика догадался, что онъ хотѣлъ сказать:

«Полночь било, добрый часъ!
Спите, Богъ не спитъ за васъ.»

На другой день, только-что мы проснулись, къ намъ явилась хозяйка съ огромнымъ подносомъ, на которомъ уставлены были всѣ принадлежности завтрака. Этотъ обычай тоже не дуренъ. Чего ради, я сѣлъ у окна. Глазамъ моимъ представилась часть города, узкій рукавъ Финскаго залива, и за нимъ старинный замокъ съ высокою осьмиугольною башнею. Завоеватель Карелiи, Торкель Кнутсонъ, желая утвердиться въ ней, построилъ въ 1295 году крѣпкій замокъ, Выборгъ, на мѣстѣ истребленнаго имъ города Суоме-Линна, древней столицы Карелiи. Мирные Финны, никогда не видавшіе такихъ твердынь, приписали сверхъ-естественной силѣ быстрое построеніе замка, и въ народѣ родилось сказаніе, что горный исполинъ, помогавшій зодчему, увлекъ его потомъ, за оказанную услугу, въ преисподнее царство. Урокъ этотъ здѣсь очень памятенъ, и Выборгскіе Витрувіи, чтобы избѣгнуть связей съ нечистою силою, строятъ съ того времени такъ, что имъ не помогаютъ злые духи. Можно однакожъ сомнѣваться, чтобы этотъ замокъ былъ построенъ въ тѣ времена, когда черти были архитекторами: онъ еще довольно свѣжъ, а сколько осадъ выдержалъ онъ отъ Датчанъ и Русскихъ. Если это строеніе и то самое, оно по крайней мѣрѣ не разъ было возобновляемо, хотя просто никто въ цѣломъ Выборгѣ ничего не знаетъ. Если и были въ замкѣ

какія нибудь письменныя свидѣтельства, они не могли уцѣлѣть отъ прошлаго года. Седьмаго апрѣля, въ Великій Четвертокъ, когда еще заливъ былъ покрытъ льдомъ, вдругъ сдѣлалась страшная буря, и молнія ударила въ деревянное строеніе внутри башни замка. Пламя мгновенно охватило его. Гарнизонъ замка, при всей своей неустрашимости, не могъ ничего сдѣлать. Въ башнѣ кипѣло какъ въ жерлѣ; наконецъ все рухнуло и пожаръ угасъ по истощеніи сгараемыхъ веществъ. Вотъ послѣдній историческій фактъ Выборгскаго замка, если не слишкомъ важный, то довольно любопытный по необычайности явленія грозы въ такое время года.

Путешественникъ, прибывшій въ Выборгъ, долженъ непремѣнно пройтись по городу, чтобъ лучше увидѣть, что въ немъ нѣтъ ничего замѣчательнаго, и потомъ уже взойти на городскую башню. Огромные часы, которые на ней устроены, указываютъ добрымъ гражданамъ, когда имъ пора вставать, садиться обѣдать, ложиться спать. Эту полезную цѣль часовъ объяснилъ намъ попавшійся у входа въ башню какой-то опрятно одѣтый полу-Шведъ, въ свѣтло-сиземъ фракѣ и красномъ суконномъ жилетѣ, изъ-за котораго выставлялись преогромныя манжеты, не считая сапоговъ съ кисточками. Онъ безкорыстно взобрался съ нами, по сто тридцати восьми ступенямъ, на верхъ башни, гдѣ стоитъ

часовой и каждые полчаса послѣ боя часовъ мѣднымъ рупоромъ извѣщаетъ смертныхъ о скоротечности времени. Видъ съ башни очарователенъ. Заливъ моря, изрѣзанный множествомъ мысовъ и усѣянный безчисленными утесами и камнями, которыхъ гладкія блестящія вершины, выставляясь изъ воды, отражаютъ солнечные лучи; городъ съ его оживленными улицами; обширныя зеленѣющія равнины и вдали туманные лѣса и горы, – все это составляетъ разнообразную панораму. Между тѣмъ какъ мы любовались на нее, нашъ проводникъ разсказалъ, что въ городѣ считается до трехъ тысячъ жителей, и что въ предмѣстьяхъ можно полагать столько же; что въ портъ ежегодно является до шестидесяти иностранныхъ кораблей, но что они къ городу не подходятъ по мелководью залива, а выгружаются у острова Рогеля, въ Трогзундѣ, верстъ за двѣнадцать отъ берега, гдѣ находится таможня и брандвахта; что наконецъ Г. ландсгевдингъ живетъ вотъ въ этомъ домѣ съ садомъ, хотя лучшіе крендели пекутся въ Гельсингфорскомъ предмѣстьѣ, въ той части его, что называется «Смольными.»

Выслушавъ курсъ Выборгской статистики, мы поблагодарили услужливаго незнакомца, сошли съ башни, и на безконечно длинныхъ дрожкахъ, которыя могли бъ сказать многое о Карлѣ XII, еслибъ захотѣли порыться въ своихъ воспомина-

ніяхъ, отправились въ Mon-repos, знаменитый садъ барона Николаи. Переѣхавъ городской мостъ, мы остановились, и, по ступенямъ, высѣченнымъ въ камнѣ, взошли на огромный утесъ, лежащій влѣво отъ дороги. На немъ долженъ побывать каждый Русскій. Здѣсь, въ день вступленія Русскихъ войскъ въ Выборгъ, 14 іюня 1710 года, была раскинута палатка Петра Великаго. Большой крестъ и вензель Государя, высѣченные въ гранитѣ, свидѣтельствуютъ объ этомъ; еще видны пробоины, въ которыхъ утверждены были колья шатра. Адмиралъ Апраксинъ, осаждавшій городъ, имѣлъ уже отъ царя подробную инструкцію. Приступъ назначенъ былъ въ одно время съ сухаго пути и съ моря, «для лучшей диверсіи непріятеля», какъ выражался Петръ въ письмѣ къ адмиралу. «Предъ «онымъ же штурмомъ, писалъ далѣе царь, Гос«пода Бога молить подобаетъ всѣмъ о помощи. «Другое, добрую диспозицію учинить. Третіе, «понеже всѣ дѣла человѣческія отъ сердца при«ходятъ, того ради солдатскія сердца Давидо«вымъ реченнымъ веселіемъ увеселить.» Но когда все было готово къ приступу и уже началось бомбардированіе, государь, почувствовавшій себя нездоровымъ, приказалъ отложить штурмъ дня на два, до его выздоровленія и прибытія къ войску. Этотъ неожиданный случай отвратилъ кровопролитіе. Комендантъ Выборга,

предвидя невозможность устоять, предложилъ сдаться на капитуляцію. Пока онъ велъ переговоры съ Апраксинымъ, царь прибылъ къ осадному корпусу, 11 іюня, и на третій день, съ Преображенскимъ полкомъ, торжественно вошелъ въ городъ, который могъ считаться тогда передовою стѣною новой столицы. Въ званіи контръ-адмирала, царь самъ донесъ о томъ князю-кесарю Ромодановскому: «Извѣствую вашему величеству, что «комендантъ Выборгскій, по изготовленіи бреши, «не дожидая штурма, вчерашняго числа на ак«кордъ сдался..... И тако, чрезъ взятіе сего «города Санктпетербургу конечное безопасіе по«лучено: чѣмъ вашему величеству поздрав«ляемъ.»

Проѣхавъ версты двѣ безплоднымъ пространствомъ, усѣяннымъ, какъ всѣ окрестности Выборга, разбитыми утесами и сѣро-красноватыми гранитными валунами, изъ среды которыхъ мѣстами выглядываютъ тощія, искривленныя сосны и кусты можжевельника, мы приблизились къ высокимъ деревяннымъ воротамъ, еще не достроеннымъ. Они привели насъ къ длинной липовой аллеѣ, которая оканчивается у входа въ садъ. Тутъ, возлѣ забора, съ лейкою въ рукахъ, стоялъ старый садовникъ. Окинувъ насъ взглядомъ, онъ рѣшилъ по глазомѣру, «что мы люди порядочные», и отворилъ садовую калитку. Мы были въ правѣ назваться очень счастли-

выми. Грубые шалуны, которые находятъ особенное удовольствіе въ нарушеніи установленнаго порядка, надѣлали здѣсь столько дурачествъ, что владѣтель сада былъ принужденъ ограничить свое гостепріимство, и теперь незнакомыхъ пускаютъ только по воскресеньямъ. Входя къ садъ, мы, для большаго назиданія, прочли прибитое къ воротамъ объявленіе городскаго суда, на двухъ языкахъ, — Русскомъ и Шведскомъ: оно грозитъ всѣмъ похитителямъ цвѣтовъ, нарушителямъ птичьяго спокойствія и независимости травъ, писателямъ экспромтовъ на скамейкахъ, и прочимъ садовымъ преступникамъ, штрафомъ въ двѣнадцать рублей серебромъ.

Не стану водить васъ съ собою по цвѣтистымъ лугамъ, тѣнистымъ аллеямъ, живописнымъ утесамъ, зеленымъ пригоркамъ этого прелестнаго убѣжища; не стану утомлять описаніемъ всѣхъ мостиковъ, бесѣдокъ, кіосковъ, обелисковъ, памятниковъ, которыми оно украшено. Такія подробности скучны, вялы, холодны, темны и неудовлетворительны. Кто хочетъ имѣть ясное и полное понятіе о Mon - repos, тотъ долженъ видѣть его своими глазами. И право, стоитъ сдѣлать для него нѣсколько десятковъ верстъ, даже пріѣхать издалека, чтобъ полюбоваться здѣсь красотами Финляндскихъ пейзажей. Они счастливо сосредоточены на ограниченномъ пространствѣ, и мѣстоположеніе необыкновенно благо-

пріятствовало тому, чтобъ, при нѣкоторомъ искусствѣ, расположенный на немъ садъ могъ сдѣлаться произведеніемъ неподражаемо очаровательнымъ. Природа такъ много для него сдѣлала, что стоило только слѣдовать за ея указаніями, идти по ея слѣдамъ, и, облегчая ея усилія, дополняя ея твореніе, дѣйствуя въ одномъ съ ней духѣ, произвести нѣчто единственное въ своемъ родѣ. Быть можетъ, средства частнаго человѣка не были достаточны для подобнаго предпріятія; художникъ, который нарисовалъ этотъ садъ, быть можетъ, не воспользовался всѣмъ расположеніемъ мѣстности къ изящному; несмотря однако жъ на это, Mon-repos изобилуетъ красотами, достойными одобренія взыскательнаго вкуса и справедливыхъ похвалъ.

Мысль владѣльца пріуготовить себѣ могилу, окруживъ ее прахомъ милыхъ сердцу, на вѣковѣчной скалѣ, съ одной стороны неприступной и обрывистой, омываемой волнами моря, съ другой одѣтой зеленью и цвѣтами, — исполнена поэзіи грустной и трогательной. Чрезъ неширокій протокъ, летучій мостъ переноситъ васъ къ берегу высокаго острова. Вьющаяся тропа ведетъ на его вершину. Начинаешь всходить по ней между зеленѣющимъ кустарникомъ и цвѣтами, и вдругъ взоръ останавливается на небольшомъ мраморномъ памятникѣ, стоящемъ близъ дорожки. На немъ надпись:

Auf kurze Zeit,
Ist dieser Hügel mein,
Auf lange Zeit,
Binn ich dann sein.

На краткій мигъ,
Прекрасный холмъ, ты мой;
Потомъ на вѣкъ
Я буду твой.

Въ душѣ невольно раздается звукъ страшнаго закона, который съ высоты небесъ провозглашаетъ человѣку: ты прахъ, и въ прахъ обратишься! Его отголоскамъ вторитъ шумъ вѣтвистыхъ, мрачныхъ елей и однообразный плескъ моря. Вокругъ васъ, всюду дремлетъ высокій гранитъ, холодный и твердый, который долженъ одинъ остаться здѣсь послѣ наслажденій человѣка. На вершинѣ скалы стоитъ небольшой замокъ о четырехъ башняхъ, влѣво отъ него возвышаются надгробные памятники — основателя Mon-repos, его супруги и двухъ дѣтей. Архитектура замка проста и красива.

Возвратясь въ Выборгъ, вечеромъ того же дня мы пустились къ Иматрѣ. Дорога — такое же природное шоссѐ, какъ и то, которымъ приближаешься къ Выбору изъ Петербурга, съ немногими исключеніями: это кряжъ, всей Финляндіи. Окрестность, то дикая и пустынная, то воздѣланная и обитаемая, но вездѣ живописная и разнообразная; лѣса смѣняются лугами, за лугами слѣ-

дуютъ холмы, за холмами горы и утесы. По временамъ зеркало широкаго озера ярко блещетъ отъ косвенныхъ лучей заходящаго солнца, или, одѣваясь туманами, застилаетъ прозрачнымъ покровомъ свою свѣтлую поверхность. Иногда появляются разбросанныя жилища поселянъ, а иногда и хорошо обстроенный Heimath, или усадьба домовитаго помѣщика. Изрѣдка попадалась намъ легкая каріолька съ однимъ или двумя дремлющими сѣдоками, тяжелая колымага, изъ которой выглядывали круглыя, красныя Финскія лица, или длинная веренница роспусковъ съ досками и брусьями, которые везутъ въ Выборгъ съ пильныхъ мельницъ, устроенныхъ на рѣкѣ Воксѣ, чтобы оттуда отправить ихъ моремъ за границу.

За Бентолою, второю станціею отъ Выборга, убаюканные ровными качаніями таратайки, мы задремали. Порою, нежданный толчокъ взбрасывалъ насъ на воздухъ, постепенно приготовляя сердца къ сильнѣйшимъ ощущеніямъ. Вдругъ, мы оба, какъ будто по условію, проснулись въ одно время. Осматриваемся, – свѣтаетъ; кругомъ все дико и глухо. Сѣдые туманы, медленно свиваясь, какъ тяжелый занавѣсъ, исподоволь открываютъ взору окрестные лѣса и горы. Наши лошадки тихимъ шагомъ, побрякивая своими бубенчиками, взвозятъ насъ на косогоръ. Вблизи все тихо и безмолвно; ни малѣйшій вѣ-

терокъ не колышетъ лѣса; даже трепещущій листъ осины безъ движенія повисъ на своемъ тонкомъ стеблѣ. Но вдали, за лѣсомъ и горами, глухой, гудящій шумъ встаетъ среди мертваго молчанія природы. Сначала, намъ казалось, что это отдаленный гулъ колокола, и зная, что до водопада оставалось болѣе семи верстъ, я никакъ не воображалъ, что это его звуки. То былъ онъ! Когда я Финляндскую Ніагару называю «водопадомъ», такъ это только изъ подобострастія къ тѣмъ, которые прежде меня дали ей подобное имя: говоря безъ всякой лести, Иматра не водопадъ, а простая катарракта, но катарракта истинно великолѣпная. Мы приказали ѣхать скорѣе, и, съ каждымъ поворотомъ колеса шумъ становился ощутительнѣе, громче, звучнѣе. Вскорѣ, вправо отъ дороги и въ нѣсколькихъ саженяхъ ниже ея, сквозь чащу деревъ, начала просвѣчивать поверхность рѣки. Ея широкія разливы мѣстами образуютъ какъ будто озера. Тутъ, близъ береговъ вода была спокойна и почти безъ движенія; тамъ въ серединѣ клокоча неслась она по камнямъ, быстрою струею. Проѣхавъ еще нѣсколько десятковъ саженъ, мы увидѣли небольшой деревянный домъ, который еще отстроивали, и своротивъ къ нему съ главной дороги вправо, черезъ полминуты остановились на лужайкѣ съ утесистымъ обрывомъ. Мы подбѣжали къ периламъ, которыми огражденъ ея берегъ.

Рѣка широкая, какъ одинъ изъ протоковъ Невы, быстро катитъ свои воды между холмистыми, зеленѣющими берегами. Мѣстами гряды камней противятся ея стремленію, и волны, пѣнясь, перескакиваютъ черезъ преграды. Достигнувъ продолговатаго, лѣсистаго острова, она раздѣляется на двѣ руки, и обнявъ ими островъ, опять соединяетъ свои струи. Но тутъ, ложе ея склоняется внезапно и круто, и вся масса воды ввергается въ узкое гранитное русло, усѣянное острыми утесами. Грозный ревъ вырывается изъ клубовъ стремительнаго тока. Облака сребристой пыли носятся надъ этою бурею истерзанной рѣки, и солнце, пронзая ихъ лучами, золотитъ ихъ, или играетъ, въ брызжущихъ капляхъ, семью-цвѣтными лентами радуги. Одна пѣна крутится и кипитъ на покатости потока, рѣзко отдѣляясь отъ черныхъ утесовъ; то мчится внизъ по влажной крутизнѣ, то поднятая, подрѣзанная налетающими сверху волнами, мечется обратнымъ стремленіемъ и взбѣгаетъ къ вершинѣ водоската. Посреди сшибающихся волнъ внезапно возстаютъ пѣнистые столбы: они, какъ могучіе витязи, схватываются другъ съ другомъ, между тѣмъ, какъ у ногъ ихъ ратуютъ ихъ дружины, оглашая окрестность своими кликами. Иныя волны силятся вскочить на гранитный берегъ, но отраженныя его неприступными стѣнами, въ брызгахъ отпрядываютъ назадъ, и въ од-

но мгновеніе навиваются на клубы другихъ волнъ. Такъ летитъ бушующая стихія по ложу, пробитому ею въ голомъ гранитѣ на протяженіи болѣе ста саженъ, и паденіе ея на такомъ пространствѣ составляетъ только тридцать два фута. Далѣе русло идетъ отложе, берега раздаются, рѣка течетъ быстро, еще грохоча, но уже безъ ярости, и бѣлыя волны, какъ стая лебедей, расплываются по разливу.

Поглощенный великолѣпіемъ зрѣлища, я и не замѣтилъ, что всплески воды порядкомъ измочили мое платье. Мы сошли въ бесѣдку, стоящую внизу водопада, и долго еще не могли оторвать взоровъ отъ страшной картины, которая съ этой точки представляется съ новою прелестью. Отсюда можно всю ее окинуть однимъ взглядомъ. «Алмазная гора», кажется прямо на васъ катится, и воображеніе цѣпенѣетъ. Страшишься, что съ каждымъ мгновеніемъ паденіе этой клокочащей лавины увлечетъ васъ съ собою. Подобная участь дѣйствительно постигла одного несчастнаго.

Въ іюнѣ 1825 года, поручикъ Нейшлотскаго полка С*** былъ посланъ изъ Нейшлота въ Выборгъ, съ отрядомъ солдатъ. Остановясь для дневки въ селеніи, противъ станціи Ситолы, въ верстѣ выше водоската, онъ вздумалъ поохотиться, взялъ двухъ солдатъ, сѣлъ съ ними въ челнокъ и пустился по Воксѣ. Пока они лави-

ровали между островками и камнями, которыми рѣка усѣяна въ виду деревни, не было никакой опасности. Но, замѣтивъ вдалекѣ по теченію, дикихъ утокъ, С*** приказалъ грести къ нимъ. Солдаты предостерегали и отговаривали его, но онъ не слушалъ и велѣлъ имъ молчать. Между тѣмъ быстрина все увеличивалась. Сначала они не замѣчали того; потомъ увидѣли, но уже было слишкомъ поздно. Подняться по теченію было невозможно. Они хотѣли пригрести къ берегу, и едва поворотили, какъ волна ударила въ челнъ: онъ опрокинулся и несчастныхъ понесло въ самую пучину. Еще оставалась надежда: небольшой утесъ подымался изъ воды, передъ самымъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ по гранитному обрыву съ грохотомъ низвергается вода. Къ нему примчало погибавшихъ. Двое солдатъ, съ усиліемъ отчаянья впились въ его траву, и удержались. Несчастный С*** хотѣлъ также захватиться, но рука его скользила по гладкому камню, а между тѣмъ теченіе стремило въ низъ. Еще мигъ,- вопль раздался среди рева водъ, и бездна поглотила свою жертву! Проходившіе по берегу крестьяне увидѣли солдатъ. Они принесли длинные шесты, и, помощію ихъ, перетащили этихъ людей на берегъ. Тѣло погибшаго офицера найдено въ двухъ верстахъ ниже паденья: оно было изломано и истерзано; съ трудомъ можно было узнать черты лица. Житель, который разказы-

валъ мнѣ этотъ случай, утверждалъ, что случалось находить ниже водоската трупы медвѣдей, увлеченныхъ его стремленіемъ.

На Иматрѣ, какъ я сказалъ, строится небольшой деревянный домъ. Онъ назначается для пріѣзда Императорской Фамиліи. Лѣсъ будетъ расчищенъ кругомъ, и превратится въ Англійскій садъ: на противуположномъ берегу это уже сдѣлано.

Въ Ситолѣ мы перемѣнили лошадей, и, помѣстившись съ нашимъ легкимъ экипажемъ на паромъ, стали переправляться на лѣвый берегъ Воксы или Вокши, какъ называютъ ее Русскіе. Эта переправа дѣлается довольно любопытнымъ образомъ. Сперва паромъ, отчаливъ, медленно поднимается на веслахъ вверхъ теченія, держась берега. Достигнувъ одного довольно значительнаго порога въ четверти верстѣ выше пристани, онъ круто поворачиваетъ и вдается въ самое бурное волненіе. Первый напоръ волнъ, несущихся отъ порога, сильно потрясаетъ его, онъ дрожитъ, какъ бы отъ страха, и тихо, боязливо подается впередъ. Но вдругъ теченье его схватываетъ, влечетъ, стремитъ; паромъ, будто внезапно оживленный, смѣло описываетъ въ рѣкѣ пѣнистую дугу, и чрезъ нѣсколько минутъ останавливается у противной пристани. Такое сложное движеніе парома объяснить можно тѣмъ, что отъ самой средины верхняго порога къ двумъ про-

тивоположнымъ пристанямъ стремятся два быстрыя теченія, по расходящимся направленіямъ. Причиною того можетъ быть какой нибудь огромный утесъ, лежащій тутъ на днѣ рѣки. У пристаней эти противныя теченія ударяются въ берега, и, отражаясь подъ угломъ своего стремленія, сталкиваются другъ съ другомъ на срединѣ рѣки, гдѣ уже по покатости русла совокупно несутся къ главному водоскату.

Вышедъ на берегъ, мы оглядѣлись: кругомъ разстилался живописный сельскій видъ; солнце играло въ струяхъ быстрой и свѣтлой рѣки; пороги шумѣли и сверкали: крутые, каменистые берега были одѣты пестрою зеленью, которая отъ темнаго цвѣта ели переходитъ въ яркіе отливы березоваго пароста и лоснящагося тальника; гибкіе побѣги дикаго гороха спускались по утесамъ къ водѣ, красиво убирая ихъ своими фестонами; на противномъ берегу, влѣво отъ пристани, стояли двѣ или три хижины, надъ которыми раскинулась купа высокихъ елей, а за ними, далѣе, поля, нивы, и много-этажный амфитеатръ холмовъ и горъ.

Мы поднялись на берегъ и пошли къ крестьянскому дому, стоящему на горѣ, противъ пристани. Хозяинъ его, красивый и бойкій Русскій мужикъ, хотя уже довольно пожилой, встрѣтилъ насъ у порога. Русскіе крестьяне, отпущенные на волю, часто покупаютъ въ Финляндіи участ-

ки земли и селятся тамъ отдѣльными дворами. Кто бывалъ на Иматрѣ, тотъ вѣрно припомнитъ Степана Ѳедорова, потому что онъ всякаго разсмѣшитъ или замучитъ своими разсказами и прибаутками. Мы просили его, чтобъ онъ сварилъ намъ уху изъ форелей, которыми славится Вокса, а сами поѣхали къ водоскату, чтобъ посмотрѣть на него съ этого берега. Тамъ нашли мы толпу Чухонъ, старыхъ и малыхъ. Въ ожиданіи посѣтителей, они стояли съ корзинками ягодъ и камешковъ. Эти камешки составляютъ примѣчательное произведеніе Иматры: они не иное что какъ куски глины, оттогнутые отъ береговъ стремленіемъ рѣки, округленные и обточенные объ утесы и камни, и совершенно отвердѣвшія формы ихъ разнообразны,— то причудливы, то очень правильны. Нѣкоторые покрыты тонкими полосками, струйками и жолобками, какъ вещи выточенныя на станкѣ. За нѣсколько грошей Финны надавали намъ ихъ цѣлую кучу. Между тѣмъ, мы знаками старались объяснить имъ, что желали бы бросить въ водопадъ отрубокъ дерева. Двое изъ нихъ, посмышленѣе, тотчасъ поняли и умчались въ лѣсъ. Черезъ минуту они возвратились, таща съ собою нѣсколько сухихъ деревъ. Тутъ началась операція. Одинъ изъ нихъ взялъ въ руки дерево, сталъ на самый край обрыва, за перилами. Другой схватилъ его, зацѣпился ногами за выдавшійся камень.

Для большей безопасности, мы взяли этого за полы куртки и тоже уперлись ногами въ камень. Вдругъ мы всѣ крикнули разомъ, подброшенное дерево взвилось къ верху, и полетѣло въ водопадъ. Сначала оно исчезло въ пѣнѣ, потомъ поднялось своими изсохшими вѣтвями, будто прося о помощи, и понеслось внизъ. Другое и третье дерево имѣли такую же участь: водовороты ихъ крутили, потопляли, взбрасывали, ломали, и теченье быстро уносило ихъ отъ глазъ. Полусгнившее осиновое бревно было разбито въ щепы. Наконецъ мы бросили длинную, тонкую словую лѣсину, безъ сучьевъ. Она упала плашмя и стрѣлою помчалась по водоскату; но, встрѣтивъ надводный утесъ, ударилась въ него острымъ своимъ концемъ, встала прямо, и согнувшись дугою, полетѣла какъ пущеное копье.

Разставаясь съ Иматрою, мы высѣкли острыми камнями на одномъ изъ прибрежныхъ утесовъ начальныя буквы нашихъ именъ, взглянули еще разъ на эту великолѣпную гранитную чашу, которую природа напѣнивастъ во славу собственныхъ дѣлъ своихъ, и пошли ѣсть уху. Многіе посѣщали Иматру. Въ каждомъ она произвела впечатлѣнія разнообразныя, смотря по внѣшнимъ обстоятельствамъ и по внутреннему расположенію зрителя. Нѣкоторые видѣли въ ней подобіе паденія Рейна и Финляндскую Ніагару. Другіе, не удостоили ея даже названія по-

рога. Тѣ, которые видѣли Иматру и Сіенскую катарракту Нила, говорятъ, что онѣ очень похожи другъ на друга, но что Иматра несравненно шумнѣе и живописнѣе.

У Степана Ѳедорова насъ ожидали богатая уха и знаменитыя форели. Самъ Лукуллъ не ѣдалъ лучшихъ, и хотя Вокшанская рыба не лакомится человѣческимъ мясомъ, какъ Римскія мурены, однако она не менѣе вкусна. Можно совѣтовать любителямъ рыбной ловли и рыбныхъ блюдъ отправляться сюда съ удочками и съ кастрюлями: въ Финляндскихъ рѣкахъ и озерахъ найдутъ они чѣмъ позаняться; они не уступятъ Шотландскимъ въ отношеніи къ ихтіологическимъ потѣхамъ. Воды Финляндіи изобилуютъ нѣжными форелями, жирными сигами, огромными лососями и лохами, славными налимами, крупными и чрезвычайно вкусными окунями, а въ нѣкоторыхъ водятся даже стерляди и осетры, не говоря о многихъ другихъ породахъ рыбъ.

Поѣздка наша шла до сихъ поръ такъ пріятно, и Финляндія такъ манила къ себѣ своими красотами, что намъ никакъ не хотѣлось ограничиться тѣмъ, что мы видѣли. Но маршрутъ нашъ былъ составленъ только до Иматры, и мы были въ нерѣшимости, куда отсюда направиться. Въ раздумьѣ долго бродили мы глазами по нашей дорожной картѣ, измѣряя разстоянія,

взвѣшивая выгоды и невыгоды того или другаго пути. Какъ вдругъ взоръ нашъ упалъ на Ладожское озеро, и на островъ Валаамъ, одиноко лежащій въ сѣверномъ углу его. Дорога до города Сердоболя, откуда переплавляются водою на Валаамъ, очень гориста и вѣрно живописна; монастырь Валаамскій — древнѣйшій въ Россіи и представляетъ много любопытнаго: поѣдемъ на святой островъ! Мы поѣхали на Валаамъ.